

Новое о Горьком

Искусство театра обязано Горькому очень многим. Попробуйте вычеркнуть «На дне» и «Мещан» — и нет ярчайших страниц в истории МХАТа; забудьте об «Егоре Булычеве» — и нет лучшего спектакля не только в театре им. Вахтангова, но и в репертуаре почти всех советских театров.

Но не только своими пьесами вошел Горький в историю русского и советского театра. Его живительное воздействие на сознание и творчество многих драматургов и режиссеров можно проследить по письмам, статьям и документам, опубликованным за последнее время. В этом отношении особый интерес представляют выпущенные Академией наук СССР два тома новейших публикаций и исследований, посвященные всецело Горькому («М. Горький. Материалы и исследования», тт. I и II).

Прежде всего обращают на себя внимание впервые публикуемые отзывы Горького о пьесах, представленных на конкурс мелодрамы, организованной в 1919 г. отделом театра и зрелищ Наркомпроса. По ним можно проследить очень отчетливо, как яростно боролся Горький еще тогда против всякого приспособленчества, снижения, вульгаризации темы и драматургической неграмотности, против попыток подменить «благородством» чувств и злободневным сюжетом непонимание законов театра. Вот некоторые из этих отзывов:

«Благородно и скучно до тошноты».

«Не мелодрама. Шито белыми нитками, но не без некоторой ловкости. Шаблонно... грубо».

«Автор не знаком с условиями сцены, не имеет понятия о мелодраме».

«Детски беспомощная и книжная вещь».

«Эскиз крестьянской пьесы, сделанный неумело, лишенной характеров и действия».

Как видим, Горький особенно отмечает отсутствие подлинной театральности. Слово «книжный» в отношении к драматургии для него порок тягчайший. Характеры и действие — вот основное.

И знание особенностей театра.

И еще одно условие выдвигает Горький перед драматургами — подлинное знание эпохи. Его письмо к Леониду Андрееву по поводу его пьесы «Самсон в окопах» — прежде всего товарищеская помощь в деле исправления ошибок против истории и эпохи.

«Кольчуг в то время не было, — возможны лишь латы».

«Библия и история — сколько помню — не говорят о пророках в эпоху судей, относя их к эпохе царей. Полагаю, что нельзя называть Самсона ни пророком, ни князем или царем Израиля».

«Сомнительно существование стекла»...

Замечательно письмо Горького к неизвестному с отзывом об его исторической пьесе:

«Вы написали ее акварельно, а такие вещи необходимо писать жирными, масляными красками. Вы изображаете людей такими, каковы они в обманчивом освещении литературы — искусства — и ваши люди не те, о которых нам рассказывает история. Те были грубы, мускулисты, они редко мылились и говорили друг с другом отвратительно откровенным языком деревенских парней. Так же говорили и с дамами. Их облагородили и смягчили труверы».

Это замечание Горького очень важно для выработки правильного отношения к исторической пьесе, до сих пор не имеющей своей поэтики и методологии. Его отзыв бьет по всяческому «Мольерам» и «Королевам Марго», одинаково осаживающим историю и фальсифицирующим исторические характеры и персонажи. Внимание к подлинной исторической правде проходит у Горького через всю его переписку.

И еще одно. Он хорошо чувствует состояние актера при передаче плохо написанной роли. Вот его замечание в том же письме: «Актерам нечего делать с этими ролями, актерам дано слишком мало материала... не за что схватиться актеру»...

Особенный интерес вызыва-

ют письма Горького к Чехову эпохи написания «На дне» и «Мещан». По ним хорошо можно проследить не только несомненное влияние Чехова на Горького-драматурга, но и обратное его воздействие и даже противодействие театральной поэтике Чехова.

«Спасибо за письмо, Антон Павлович! Я очень обрадовался, когда прочитал его, и особенно доволен вашими указаниями. Дело в том, что пьеса («Мещане») мне не нравится, совсем не нравится, но до вашего письма я не понимал почему, — только чувствовал, что она груба и неуклюжа. А теперь я вижу, что Тетерев слишком много занимает места, Елена — мало, Нил — испорчен резонерством. А хуже всех старик. Он ужасно нехорош, так что мне даже стыдно за него».

Горький этой поры очень увлечен формой драмы. Он рвет рукопись первой редакции «Мещан» и извещает Чехова, «что драма М. Горького, доведенная им в поте лица до третьего акта, благополучно скончалась. Ее разорвало со скуки и от обилия ремарок». Но тут же добавляет: «Драму все-таки напишу. Непременно! Это, знаете, очень любопытно, как дисциплина, очень учит дорожить словами. Хочется сказать: «Он с усмешкой посмотрел на нее», — а нельзя!»

Так шел Горький путем упорной учебы к своим пьесам, среди которых «На дне» блещет большими драматургическими достоинствами. Чехов, обвинявший перед тем Горького в «консерватизме формы», писал о ней Горькому: «Вашу пьесу я прочел. Она нова и несомненно хороша». К. Станиславский назвал успех этой пьесы «потрясающим». В. Лужский, игравший роль Бубнова, считал день ее премьеры в Художественном театре «редким, исключительным не только в истории МХАТ, но и русского театра, русской драматургии». Такого же мнения были все актеры этого театра, любовь к которому проходит через все письма Горького.

КНИЖНИК.